

В Мастерской Цицяо начался пожар.

По всем законам природы в тот день огонь не должен был разгореться, ведь над Городом между Облаками стеной стоял проливной дождь. Пожар казался немыслимым.

Но это пламя словно питалось небесной влагой — вопреки ливню оно разгоралось все ярче, бушуя до самого рассвета, пока не пробило пятую стражу.

Местные жители отродясь не видывали столь зловещей стихии. Раз уж сама небесная влага не могла прибить этот огонь, что оставалось делать простым людям?

Растерянные и испуганные, они позабыли о ведрах и криках о помощи, заворуженно созерцая вздымающиеся к небесам огненные языки.

В толпе зевак выделялись двое: бледный мужчина в алом свадебном одеянии стоял молча и неподвижно, а за его спиной замер юноша, одетый точно так же.

Впрочем, зевакам было не до них — заворуженные зрелищем бушующего пламени, они лишь мельком подмечали странный вид парочки, не решаясь докучать расспросами.

Су Цзюгуй холодно наблюдал, как догорает Мастерская Цицяо.

Недавно, когда он насильно разделил чувства маленького лиса, то отчетливо осознал: демоны совсем не похожи на людей. И уж тем более — на него, праведного даоса.

Демоны любят и ненавидят всем сердцем, доводя любое чувство до предела. Сам Су Цзюгуй в прошлой жизни не ведал мирских страстей и желаний, но, возродившись вновь, первым делом познал именно ненависть.

Эта ярость вела его вперед, толкая к отмщению. Теперь же, когда Ло Цяоцяо был мертв, удушливая злоба перестала терзать душу. Тяжесть на сердце внезапно растаяла, обратившись в ничто.

То ли ему почудилось в шуме пожара, то ли и впрямь прозвучал тихий вздох.

Изнуренный тремя годами неволи, лис испустил свой последний вздох.

Вслед за ним вздохнули сотни других голосов. То были души марионеток, запертых в Мастерской Цицяо, — они наконец-то обрели долгожданную свободу.

С небес рушились холодные капли дождя, но бесплотные духи устремлялись ввысь.

Су Цзюгуй долго стоял неподвижно. Он не был призрачным заклинателем и не мог видеть мертвецов, однако теперь, запрокинув голову, словно воочию наблюдал, как тает в вышине последняя искра лисьей души.

Раздался оглушительный треск.

Мастерская Цицяо рухнула.

Старинный театр марионеток, простоявший больше тысячи лет, осел, взметнув к небу плотное облако пыли.

— Ой-ёй! — толпа зевак брызнула в стороны.

— Чуть кондрашка нехватила, — пробормотал Лао Чжан, который прибежал просто поглазеть на пожар и едва не оказался погребен под обломками Мастерской Цицяо.

Он поежился:

— Ну и чертовщина творится сегодня, а? Скажи ведь?

Ему никто не ответил.

Оглянувшись, Лао Чжан обнаружил, что двое мужчин в свадебных нарядах, стоявших мгновение назад бок о бок с ним, бесследно исчезли.

Ливень все еще хлестал в полную силу, вминая придорожную траву в грязь и скрывая все вокруг за серой, непроницаемой стеной.

Казалось, рядом с ним никогда никого и не было.

«Чудеса да и только», — в смятении подумал Лао Чжан.

Вести о гибели Мастерской Цицяо разлетятся быстро, и вскоре сюда нагрянут прихвостни демонов.

Едва заметив, что здание оседает, Су Цзюгуй поспешил уйти. Он только что переродился: ни связей, ни бывшего могущества — духовные силы растрачены без остатка. Жизнь его сейчас висела на волоске, и глупо было лезть на рожон.

Скользнув в тень, он свернул в глухой переулок. Большая часть жителей Города между Облаками еще спала, так что на улицах царило безлюдье.

Дороги он не знал, но сейчас требовалось лишь одно — отыскать хоть какое-то надежное укрытие.

Сяобай шел за ним след в след, заложив руки за спину и упрямо следуя по пятам, словно пушистый хвостик.

Су Цзюгуй не собирался прогонять мальчишку, а тот, видя, что ему не препятствуют, держался все увереннее.

Хлещущие струи дождя вызвали досаду. Но стоило Су Цзюгую поморщиться от этого непрекращающегося ливня и сделать пару шагов, как небосвод вдруг прояснился.

Сверкнувшая напоследок молния угасла, громовые раскаты смолкли, и дождь мгновенно прекратился, уступая место чистому, прозрачному утру.

Добрый знак.

Это мимолетно напомнило ему о собственном ученике — Чжубай тоже умел повелевать грозами и ветрами.

— А у тебя легкая рука, гэгэ, — раздался за спиной голос Сяобая.

Юноша говорил лениво, словно укрощение стихии было совершеннейшим пустяком.

— М-м? — Сяобай удивленно замер, заметив, что даос тоже остановился.

Су Цзюгуй промок до нитки; капли дождя медленно сбегали по его острому подбородку, придавая лицу суровое, отрешенное выражение.

— Зачем ты идешь за мной? — спросил Су Цзюгуй.

Его воспоминания частично подернулись дымкой, и, сколько бы он ни перебирал прошлое в уме, так и не смог вспомнить белоглазого юношу.

Сяобай вскинул голову и серьезно ответил:

— Я хочу защитить тебя, гэгэ.

— Почему?

Юноша открыто, лучезарно улыбнулся:

— Потому что ты мне нравишься.

Су Цзюгуй слегка нахмурился, не понимая, шутит ли его спутник.

Они едва знали друг друга — какая тут могла быть симпатия?

Сяобай опустил ресницы и тихо добавил:

— Да и идти мне больше некуда.

Это объяснение звучало куда правдоподобнее. Если мальчишка тоже пострадал от рук Ло Цяоцяо, то они были товарищами по несчастью.

На лице Су Цзюгуя не отразилось ни единой эмоции. Ранее он предполагал, что Ло Цяоцяо запер Сяобая здесь ради «посмертного брака» с ним — ведь на обоих были надеты алые подвенечные одежды, в которых они смотрелись на удивление гармонично.

Однако до этого он подслушал разговор лавочника с охотником. Тот спрашивал Ло Цяоцяо, нет ли в лавке кого-то еще.

Хоть старик и уклонился от прямого ответа, из его слов следовало, что в мастерской находился лишь один пленник — сам Су Цзюгуй.

Да и позже Ло Цяоцяо в ярости выкрикнул: «Где твой любовник?»

Лавочник потратил три года на создание этой марионетки и ни за что не посадил бы постороннего юнца в одну комнату с драгоценной огненной лисицей.

Тем более что он желал единолично владеть лисом. Одно лишь подозрение в адрес Лао Сы заставило старика пойти на убийство — при его скрытном и ревнивом нраве он ни за что не допустил бы присутствия третьего лишнего.

Так кто же такой Сяобай? И как он очутился в потайной комнате?

— Гэгэ, у тебя кровь идет, — Сяобай опустил взгляд, всматриваясь в запястья даоса.

Пытаясь высвободиться из кокона, Су Цзюгуй разорвал сковывавшие его путы из паутины, из-за чего кожа на его руках была содрана до мяса, а духовные меридианы повреждены.

Тела демонов куда крепче человеческих плоти и костей: у них даже отсеченная конечность может прирасти обратно, а разорванные каналы ци со временем восстанавливаются.

Сама по себе боль его мало беспокоила. Намного опаснее было то, что тянущийся за ним кровавый след мог выдать их преследователям.

— Позволишь? — Сяобай указал взглядом на раненые руки.

Су Цзюгуй посмотрел на макушку склонившегося мальчишки. Что бы тот ни замышлял, зла он явно не желал.

Даос молча кивнул.

Получив безмолвное согласие, Сяобай осторожно коснулся его израненного запястья.

Кожа юноши дышала теплом.

В этой заброшенной, полуразрушенной улочке, залитой первыми лучами чистого утреннего солнца, они стояли совсем одни. Израненные, облаченные в парные свадебные наряды, издали они походили на сбежавших новобрачных, укрывшихся от погони.

Су Цзюгуй разглядывал его полуприкрытые глаза. Под густыми белоснежными ресницами лицо Сяобая казалось невероятно кротким и послушным.

Возможно, сказывались усталость и помутившийся разум, но Су Цзюгую вдруг почудилось поразительное сходство между этим юношей и его собственным учеником.

Такой юный... Откуда он только взялся здесь?

Без лишних колебаний Сяобай накрыл глубокую рану теплой, чистой ладонью. Лицо его оставалось бесстрастным, но прямо между бровей проступила алая, похожая на каплю крови метка.

Рука Су Цзюгуя потеплела; растерзанная плоть начала стягиваться сама собой, а разорванные меридианы — срастаться.

Когда Сяобай отнял ладонь, запястье восстановилось полностью, не оставив даже намека на шрамы.

Дар исцеления.

Су Цзюгуй нахмурился. Демонов, способных лечить чужие раны, во всем поднебесном мире рождались единицы. Сяобай, судя по всему, был редчайшим духовным существом.

Таким созданиям не место среди обычных смертных — прознай кто об их существовании, и могущественные ордены перегрызут друг другу глотки в попытках завладеть сокровищем.

Будь у Ло Цяоцяо этот парень, подарок Владыке Небесной Обители превзошел бы по ценности десяток лисьих марионеток.

— Сяобай, — негромко позвал Су Цзюгуй.

— М-м? — отозвался тот. Даос впервые обратился к нему по имени. — Что такое, гэгэ?

— Спасибо, — произнес Су Цзюгуй.

— За что благодарить? — Сяобай уже вовсю занимался его вторым запястьем, оберегая руки даоса с такой нежностью, словно держал величайшую драгоценность в мире.

— За то, что помог выстроить Строй четырех зеркал для подавления душ, — пояснил Су Цзюгуй.

Строй четырех зеркал для подавления душ когда-то давно создал он сам. Каким образом чертежи покинули гору Великой Чистоты и попали к неизвестному лавочнику — оставалось загадкой.

Одному ему ни за что не удалось бы одновременно отвлекать внимание Ло Цяоцяо и расставлять артефакты. Без помощи Сяобая побег был бы невозможен.

— Это ты хорошо меня научил, гэгэ, — с легким смешком ответил юноша.

На самом деле он просто в точности исполнил указания даоса. Не сработай этот строй — у него нашлись бы другие способы вытащить Су Цзюгуя на волю.

Кем был этот Ло Цяоцяо в его глазах? Жалкой букашкой. В поднебесном мире не существовало места, откуда Сяобай не сумел бы увести своего даоса.

— И все же, почему ты оказался в Мастерской Цицяо? — Су Цзюгуй повторил свой вопрос.

К этому моменту Сяобай закончил с лечением и завязал узел на рукаве.

Исцеление далось юноше нелегко: былая живость угасла, лицо осунулось от внезапной усталости.

Сяобай сладко зевнул, отчего его бездонные белые глаза показались еще более блеклыми, и пробормотал:

— Не знаю.

На оба вопроса он ответил одинаково.

— Хм? — Су Цзюгуй думал, что парень хотя бы попытается соврать, но тот держался на удивление простодушно.

— Я просто очнулся там, и все, — пожал плечами Сяобай.

— И сколько дней ты там пробыл?

Сяобай склонил голову набок, припоминая:

— Два дня.

Значит, за двое суток до того, как блуждающий дух Су Цзюгуя вселился в тело лиса, этот юноша уже находился в Мастерской Цицяо. Он опередил его на шаг.

— И Ло Цяоцяо тебя не заметил?

Сяобай тихо рассмеялся:

— Да где ему! Ему меня ни за что не отыскать.

За все два дня Ло Цяоцяо, чьих способностей едва хватало на простейшее ведовство, так и не сумел уловить даже тени юноши. Старый дурак искренне верил, что в тайнике заперт один лишь лис.

Су Цзюгуй невольно улынулся: мальчишка так забавно хвастался своей скрытностью.

Впрочем, чтобы остаться незамеченным для хозяйских ищеек, нужно было обладать силой великого демона не ниже третьего ранга, либо... быть бесплотным духом.

Призраки не имеют плоти, и даже сотканные лавочником пауки не почуяли бы присутствия

мертвеца.

Су Цзюгуй пока не мог понять, кем именно является его спутник.

— Но ради чего ты пришел?

Вопрос прозвучал излишне настойчиво. Су Цзюгуй ожидал, что Сяобай вновь увертливо скажет «не знаю» или прикинется простачком.

Однако юноша задумался, а затем расплылся в улыбке, приоткрывая острые тигриные клыки:

— Я же говорил. Мое дело — защищать тебя, гэгэ.

Эти слова сорвались с его губ на удивление твердо, без тени сомнения.

Даос опешил. Защищать его? Тот, кто говорил эти слова последним, давным-давно был изгнан им с горы. Но Сяобай произнес их с такой непоколебимой уверенностью, будто само его появление на свет имело лишь одну цель — сберечь жизнь Су Цзюгуя.

Не потому ли он беспрекословно бросился чертить формацию, молчал по первому знаку и силой выдернул даоса из опасного ментального слияния с лисом?

Потребуй Су Цзюгуй отдать за него жизнь, этот мальчишка, верно, не раздумывая шагнул бы в бездну.

Всякому началу предначертан финал, и Сяобай казался неизбежным следствием когда-то посеянных им причин.

В своей прошлой жизни Су Цзюгуй отринул мирские желания и старался не связывать себя узами кармы. Он и помыслить не мог, что судьба уготовит ему подобную привязанность в новом воплощении.

В отдалении послышался гул голосов и шаги. Город между Облаками просыпался, и заинтригованные шумом горожане спешили к догорающим развалинам.

Пожар наделал слишком много шума. Вести о чудесном спасении и перерождении даоса разлетятся быстрее ветра.

Сейчас важнее всего было отыскать надежный приют.

Раны на запястьях затянулись, и у Су Цзюгуя не осталось ни единой причины прогонять

спасителя.

— Идем, — негромко бросил он.

Услышав это, Сяобай довольно прищурился. Его приняли, позволили идти следом.

«До чего же легко его провести», — мелькнуло в мыслях у юноши.

Погоня

<http://bllate.org/book/18298/1755119>